

|     |         |                |                      |                               |
|-----|---------|----------------|----------------------|-------------------------------|
| 191 | 0159-01 | ИОСИФ БРОДСКИЙ | "Чистосердечный дар" | Часть 1 «Меж голосом и эхом»  |
| 192 | 0159-02 | ИОСИФ БРОДСКИЙ | "Чистосердечный дар" | Часть 2 "В темноте"           |
| 193 | 0159-03 | ИОСИФ БРОДСКИЙ | "Чистосердечный дар" | Часть 3 "Рождественский гусь" |
| 194 | 0159-04 | ИОСИФ БРОДСКИЙ | "Чистосердечный дар" | Часть 4 "Для суетности века"  |

### Часть 3 «РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ГУСЬ»

|                                |        |
|--------------------------------|--------|
| 1(50). Зима                    | - 1.51 |
| 2(51). На сеновале             | - 1.17 |
| 3(52). При пеньи               | - 1.14 |
| 4(53). В ночи                  | - 1.11 |
| 5(54). Ряд наблюдений          | - 1.17 |
| 6(55). Воспитание холодом      | - 1.14 |
| 7(56). Воронья песня           | - 1.26 |
| 8(57). Приходит март           | - 2.57 |
| 9(58). Глава 2                 | - 2.15 |
| 10(59). Весенний романс        | - 1.51 |
| 11(60). Глава 3                | - 1.39 |
| 12(61). Проездом               | - 2.04 |
| 13(62). Инструкция опечаленным | - 1.14 |
| 14(63). Лежачие мысли          | - 1.17 |
| 15(64). Около океана           | - 1.17 |
| 16(65). Дальше ехать некуда    | - 1.01 |
| 17(66). На пороге              | - 1.53 |
| 18(67). Настал январь          | - 1.50 |
| 19(68). Помолись               | - 1.40 |
| 20(69). Рождество              | - 1.16 |
| 21(70). Рождественский гусь    | - 1.55 |
| 22(71). Поминание жизни        | - 1.02 |
| 23(72). Душа                   | - 3.30 |
| 24(73). Ялта                   | - 2.20 |
| 25(74). Элегия-3               | - 3.44 |

*Общее время звучания – 43.11*

*Общее время звучания – 179.32*

## СОДЕРЖАНИЕ

### 1. ЗИМА

Время года — зима. На границах спокойствие. Сны переполнены чем-то замужним, как вязким вареньем, И глаза праотца наблюдают за дрожью блесны, торжествующей втуне победу над щучьим веленьем. Хлопни оземь хвостом, и в морозной декабрьской мгле ты увидишь опричь своего неприкрытого срама — полумесяц плывет в запыленном оконном стекле над крестами Москвы, как лихая победа Ислама. Куполов что голов, да и шпилей — что задранных ног, Как за смертным порогом, где встречу друг другу назначим, где от пуза кумирен, градирен, кремлей, синагог, где и сам ты хорош со своим минаретом стоячим. Не купись на басах, не сорвись на глухой фистуле. Коль не подлюю власть, то самих мы себя перебором,

Застегни же зубчатую пасть. Ибо если лежать на столе  
то не все ли равно ошибиться крюком или морем.

## 2. НА СЕНОВАЛЕ

Снег сено запорошил  
сквозь щели под потолком.  
Я сено разворошил  
и встретился с мотыльком.  
Мотылек, мотылек,  
от смерти себя сберег,  
забравшись на сеновал.  
Выжил, зазимовал.

Выбрался и глядит,  
как «летучая мышь» чадит,  
как ярко освещена  
бревенчатая стена.  
Приблизив его к лицу,  
я вижу его пыльцу  
отчетливей, чем огонь,  
чем собственную ладонь.

Среди вечерней мглы  
мы тут совсем одни.  
И пальцы мои теплы,  
как июльские дни.

## 3. ПРИ ПЕНЬИ

Садовник в ватнике, как дрозд,  
по лестнице на ветку влез,  
тем самым перекинув мост  
к пернатым от двуногих здесь.

Но, вместо щебетанья, вдруг,  
в лопатках возбуждая дрожь,  
раздался характерный звук:  
звук трения ножа о нож.

Вот в этом-то у певчих птиц  
с двуногими и весь разрыв  
(не меньший, чем в строеньи лиц),  
что ножницы, как клюв, раскрыв,

на дереве, в разгар зимы,  
скрипим, а не поем как раз.  
Не слишком ли отстали мы  
от тех, кто «отстает от нас»?

Помножив краткость бытия  
на гнездышки и забытье  
при пеньи, полагаю я,  
мы место уточним свое.

#### 4. В НОЧИ

В ночи, когда ты смотришь из окна  
и знаешь, как далёко до весны,  
привычным очертаньям валуна  
не ближе до присутствия сосны.

С невидимой улыбкой хитреца  
сквозь зубы ты продергиваешь нить,  
чтоб пальцы (или мускулы лица)  
в своем существовании убедить.

И сердце что-то екает в груди,  
напуганное страшной тишиной  
пространства, что чернеет впереди  
не менее, чем сумрак за спиной.

#### 5. РЯД НАБЛЮДЕНИЙ

Это — ряд наблюдений. В углу — тепло.  
Взгляд оставляет на вещи след.  
Вода представляет собой стекло.  
Человек страшней, чем его скелет.

Зимний вечер с вином в нигде.  
Веранда под натиском ивняка.  
Тело покоится на локте,  
как морена вне ледника.

Через тыщу лет из-за штор моллюск  
извлекают с проступившим сквозь бахрому  
оттиском «доброй ночи» уст  
не имевших сказать кому.

#### 6. ВОСПИТАНИЕ ХОЛОДОМ

Север крошит металл, но шадит стекло,  
Учит гортань проговорить «впусти».  
Холод меня воспитал и вложил перо  
в пальцы, чтоб их согреть в горсти.

Замерзая, я вижу, как за моря  
солнце садится, и никого кругом.  
То ли по льду каблук скользит, то ли сама земля  
закругляется под каблуком.

И в гортани моей, где положен смех,  
или речь, или горячий чай,  
все отчетливей раздается снег  
и чернеет, что твой Седов, «прощай».

#### 7. ВОРОНЬЯ ПЕСНЯ

Снова пришла лиса с подведенной бровью,  
снова пришел охотник с ружьем и дробью,  
с глазом, налитым кровью от ненависти, как клюква.  
Перезимуем и это, выронив сыр из клюва,

но поймав червяка! Извивайся червяк чернильный  
 в клюве моем, как слабый, которого мучит сильный;  
 дергайся, сокращайся! То, что считалось суммой  
 судорог, обернется песней на слух угрюмой,

но оглашающей рощи, покуда рощи  
 не вернут себе прежней рваной зеленой мощи.  
 Знать, в холодную пору, мертвые рощи, рта вам  
 не выбирать, и скажите спасибо нам, картавым!

## 8. ПРИХОДИТ МАРТ

Приходит март. Я сизнова служу.  
 В несчастливом кружении событий  
 изменчивую прелесть нахожу  
 в смешеньи незначительных наитий.

Воскресный свет все менее манит  
 бежать ежевечерних откровений,  
 покуда утомительно шумит  
 на улицах мой век полувоенный.

Воскресный свет. Все кажется не та,  
 не та толпа, и тягостны поклоны.  
 О, время, послужи, как пустота,  
 часам, идущим в доме Аполлона.

А мир живет, как старый однодум,  
 и снова что-то страшное бормочет,  
 покуда мы приравниваем ум  
 к пределам и деяниям на ощупь.

Как мало на земле я проживу,  
 все занятый невечными делами,  
 и полдни зимние столпятся над столами,  
 как будто я их сизнова зову.

Но что-нибудь останется во мне —  
 в живущем или мертвом человеке —  
 и вырвется из мира и извне  
 расстанется, свободное навеки.

Хвала развязке. Занавес. Конец.  
 Конец. Разъезд. Галантность провожатых,  
 у светлых лестниц к зеркалам прижатых,  
 и лавровый заснеженный венец.

## 9. ГЛАВА 2

Полуапрель и полуслякоть,  
 любви, любви полупитья,  
 и одинокость, одинакость  
 над полуправдой бытия,

что ж, переменим, переедем,  
 переживем, полудыша,  
 о, никогда ни тем, ни этим  
 не примиренная душа,

и все, что менее тоскливо,  
 напоминает желтый лед,  
 и небо Финского залива  
 на невский пригород плывет.

Уже не суетный, небрежный,  
 любовник брошенный, пижон,  
 забывший скуку побережий  
 и меру времени – сезон,

чего не станет с человеком,  
 грехи не все, дела не все,  
 шумит за дюнами и снегом,  
 шумит за дюнами шоссе,

какая разница и разность,  
 и вот – автобус голубой,  
 глядишь в окно, и безвозвратность  
 все тихо едет за тобой.

### **10. ВЕСЕННИЙ РОМАНС**

Весна, весна, приходят люди  
 к пустой реке, шумит гранит,  
 течет река, кого ты судишь,  
 скажи, кто прав, река твердит,

гудит буксир за Летним садом,  
 скрипит асфальт, шумит трава,  
 каналов блеск и плеск канавок,  
 и все одна, одна строфа:

течет Нева к пустому лету,  
 кружа мосты с тоски, с тоски,  
 пройдешь и ты, и без ответа  
 оставишь ты вопрос реки,

каналов плеск и треск канатов,  
 и жизнь моя полна, полна,  
 пустых домов, мостов горбатых,  
 разжатых рек волна темна,

разжатых рек, квартир и поля,  
 такси скользят, глаза скользят,  
 разжатых рук любви и горя,  
 разжатых рук, путей назад.

### **11. ГЛАВА 3**

Ничто не стоит сожалений,

люби, люби, а все одно, -  
знакомств, любви и поражений  
нам переставить не дано.

И вот весна. Ступать обратно  
сквозь черно-белые дворы,  
где на железные ограды  
ложатся легкие стволы

и жизнь проходит в переулках,  
как обедневшая семья.  
Летит на цинковые урны  
и липнет снег небытия.

Войди в подъезд неосвещенный  
и вытри слезы и опять  
смотри, смотри, как возмущенный  
Борей все гонит воды вспять.

Куда ж идти? Вот ряд оконный,  
фонарь, парадное, уют,  
любовь и смерть, слова знакомых,  
и где-то здесь тебе приют.

## **12. ПРОЕЗДОМ**

Люби проездом родину друзей.  
На станциях батоны покупая,  
о прожитом бездумно пожалей,  
к вагонному окошку прилипая.

Все тот же вальс в провинции звучит,  
летит, летит в белесые колонны,  
весна друзей по-прежнему молчит,  
блондинкам улыбаясь благосклонно.

Отходят поезда от городов,  
приходит моментальное забвенье,  
десятилетия искренних трудов,  
но вечного, увы, неоткровенья.

Да что там жизнь! Под перестук колес  
взбредет на ум печальная догадка,  
что новый недоверчивый вопрос  
когда-нибудь их вызовет обратно.

Так, поезжай. Куда? Куда-нибудь,  
скажи себе: с несчастьями дружу я.  
Гляди в окно и о себе забудь.  
Жалей проездом родину чужую.

## **13. ИНСТРУКЦИЯ ОПЕЧАЛЕННЫМ**

Я ждал автобус в городе Иркутске,  
пил воду, замурованную в кране,

глотал позеленевшие закуски  
 в ночи в аэродромном ресторане.  
 Я пробуждался от авиагрома  
 и танцевал под гул радиовальса,  
 потом катил я по аэродрому  
 и от земли печально отрывался.  
 И вот летел над облаком атласным,  
 себя, как прежде, чувствуя бездомным,  
 твердил, вися над бездною прекрасной:  
 все дело в одиночестве бездонном.

Не следует настаивать на жизни  
 страдальческой из горького упрямства.  
 Чужбина так же сродственна отчизне,  
 как тупику соседствует пространство.

#### **14. ЛЕЖАЧИЕ МЫСЛИ**

Темно-синее утро в заиндевевшей раме  
 напоминает улицу с горящими фонарями,  
 ледяную дорожку, перекрестки, сугробы,  
 толчею в раздевалке в восточном конце Европы.  
 Там звучит «Ганнибал» из худого мешка на стуле,  
 сильно пахнут подмышками брусья на физкультуре;  
 что до черной доски, от которой мороз по коже,  
 так и осталась черной. И сзади тоже.  
 Дребезжащий звонок серебристый иней  
 преобразил в кристалл. Насчет параллельных линий  
 все оказалось правдой и в кость оделось;  
 неохота вставать. Никогда не хотелось.

#### **15. ОКОЛО ОКЕАНА**

Около океана, при свете свечи; вокруг  
 поле, заросшее клевером, щавелем и люцерной.  
 Вечеру у тела, точно у Шивы рук,  
 дотянуться желающих до бесценной.  
 Упадая в траву, сова настигает мышшь,  
 беспричинно поскрипывают стропила.  
 В деревянном городе крепче спишь,  
 потому что снится уже только то, что было.  
 Пахнет свежей рыбой, к стене прилип  
 профиль стула, тонкая марля вяло  
 шевелится в окне; и, луна поправляет лучом прилив,  
 как сползающее одеяло.

#### **16. ДАЛЬШЕ ЕХАТЬ НЕКУДА**

Точка всегда обозримей в конце прямой.  
 Веко хватает пространство, как воздух — жабра.  
 Изо рта, сказавшего все, кроме «Боже мой»,  
 вырывается с шумом абракадабра.  
 Вычитанье, начавшееся с юлы  
 и т. п., подбирается к внешним данным;  
 паутиной окованные углы  
 придают сходство комнате с чемоданом.

Дальше ехать некуда. Дальше не  
отличить златоуста от златоротца.  
И будильник так тикает в тишине,  
точно дом через десять минут взорвется.

### 17. НА ПОРОГЕ

Меня упрекали во всем, кроме погоды,  
и сам я грозил себе часто суровой мздой.  
Но скоро, как говорят, я сниму погоны  
и стану просто одной звездой.

Я буду мерцать в проводах лейтенантом неба  
и прятаться в облако, слыша гром,  
не видя, как войско под натиском ширпотреба  
бежит, преследуемо пером.

Когда вокруг больше нету того, что было,  
не важно, берут вас в кольцо или это — блиц.  
Так школьник, увидев однажды во сне чернила,  
готов к умноженью лучше иных таблиц.

И если за скорость света не ждешь спасибо,  
то общего, может, небытия броня  
ценит попытки её превращения в сито  
и за отверстие поблагодарит меня.

### 18. НАСТАЛ ЯНВАРЬ

О если бы птицы пели и облака скучали,  
и око могло различать, становясь синей,  
звонкую трель преследуя, дверь с ключами  
и тех, кого больше нету нигде, за ней.

А так — меняются комнаты, кресла, стулья.  
И всюду по стенам то в рамке, то так — цветы.  
И если бывает на свете пчела без улья  
с лишней пылью на лапках, то это ты.

О если б прозрачные вещи в густой лазури  
умели свою незримость держать в узде  
и скопом однажды сгуститься — в звезду, в слезу ли —  
в другом конце стратосферы, потом — везде.

Но, видимо, воздух — только сырье для кружев,  
распятых на пяльцах в парке, где пасса царь.  
И статуи стынут, хотя на дворе — бесстужев,  
казненный потом декабрист, и настал январь.

### 19. ПОМОЛИСЬ

Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве.  
В эту пору — разгул Пинкертонам,  
и себя настигаешь в любом естестве  
по небрежности оттиска в оном.  
За такие открытья не требуют мзды;



тишина по всему околотку.  
 Сколько света набилось в осколок звезды,  
 на ночь глядя! как беженцев в лодку.  
 Не ослепни, смотри! Ты и сам сирота,  
 отщепенец, стервец, вне закона.  
 За душой, как ни шарь, ни черта. Изо рта —  
 пар клубами, как профиль дракона.  
 Помолись лучше вслух, как другой Назарей,  
 за бредущих с дарами в обеих  
 половинках земли самозванных царей  
 и за всех детей в колыбелях.

## 20. РОЖДЕСТВО

Волхвы пришли. Младенец крепко спал.  
 Звезда светила ярко с небосвода.  
 Холодный ветер снег в сугроб сгребал.  
 Шуршал песок. Костёр трещал у входа.  
 Дым шёл свечой. Огонь вился крючком.  
 И тени становились то короче,  
 то вдруг длинней. Никто не знал кругом,  
 что жизни счёт начнётся с этой ночи.  
 Волхвы пришли. Младенец крепко спал.  
 Крутые своды ясли окружали.  
 Кружился снег. Клубился белый пар.  
 Лежал младенец, и дары лежали.

## 21. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ГУСЬ

Спать, рождественский гусь,  
 отвернувшись к стене,  
 с темнотой на спине,  
 разжигая, как искорки бус,  
 свой хрусталик во сне.

Ни волхвов, ни осла,  
 ни звезды, ни пурги,  
 что младенца от смерти спасла,  
 расходясь, как круги  
 от удара весла.

Расходясь будто нимб  
 в шумной чаще лесной  
 к белым платьицам нимф,  
 и зимой, и весной  
 разрезать белизной  
 ленты вздувшихся лимф  
 за больничной стеной.

Спи, рождественский гусь.  
 Засыпай поскорей.  
 Сновидений не трусь  
 между двух батарей,  
 между яблок и слив  
 два крыла расстелив,  
 головой в сельдерей.

Это песня сверчка  
 в красном плинтусе тут,  
 словно пенье большого смычка,  
 ибо звуки растут,  
 как сверканье зрочка  
 сквозь большой институт.

«Спать, рождественский гусь,  
 потому что боюсь  
 клюва — возле стены  
 в облаках простыни,  
 рядом с плинтусом тут,  
 где рулады растут,  
 где я громко пою  
 эту песню мою».

Нимб пускает круги  
 наподобье пурги,  
 друг за другом вослед  
 за две тысячи лет,  
 достигая ума,  
 как двойная зима:  
 вроде зимних долин  
 край, где царь — инсулин.

Здесь, в палате шестой,  
 встав на страшный постой  
 в белом царстве спрятанных лиц,  
 ночь белеет ключом  
 пополам с главврачом  
 ужас тел от больниц,  
 облаков — от глазниц,  
 насекомых — от птиц.

## 22. ПОМИНАНИЕ ЖИЗНИ

В воздухе — сильный мороз и хвоя.  
 Наденем ватное и меховое.  
 Чтоб маяться в наших сугробах с торбой —  
 лучше олень, чем верблюды двугорбый.

На севере если и верят в Бога,  
 то как в коменданта того острога;  
 где всем нам вроде бока намяло,  
 но только и слышно, что дали мало.

На юге, где в редкость осадок белый,  
 верят в Христа, так как сам он — беглый:  
 родился в пустыне, песок-солома,  
 и умер тоже, слышать, не дома.

Помянем нынче вином и хлебом  
 жизнь, прожитую под открытым небом,

чтоб в нем и потом избежать ареста  
земли — поскольку там больше места.

### 23. ДУША

Теперь все чаще чувствую усталость,  
все реже говорю о ней теперь,  
о, промыслов души моей кустарность,  
веселая и теплая артель.

Каких ты птиц себе изобретаешь,  
кому их даришь или продаешь,  
и в современных гнездах обитаешь,  
и современным голосом поешь.

Вернись, душа, и перышко мне вынь!  
Пускай о славе радио споет нам.  
Скажи, душа, как выглядела жизнь,  
как выглядела с птичьего полета.

Покуда снег, как из небытия,  
кружит по незатейливым карнизам,  
рисуй о смерти, улица моя,  
а ты, о птица, вскрикивай о жизни.

Вот я иду, а где-то ты летишь,  
уже не слыша сетований наших,  
вот я живу, а где-то ты кричишь  
и крыльями взволнованными машешь.

### 24. ЯЛТА

Второе Рождество на берегу  
незамерзающего Понта.  
Звезда Царей над изгородью порта.  
И не могу сказать, что не могу  
жить без тебя — поскольку я живу.  
Как видно из бумаги. Существую;  
глотаю пиво, пачкаю листву и  
топчу траву.

Теперь в кофейне, из которой мы,  
как и пристало временно счастливым,  
беззвучным были выброшены взрывом  
в грядущее, под натиском зимы  
бежав на Юг, я пальцами черчу  
твое лицо на мраморе для бедных;  
поодаль нимфы прыгают, на бедрах  
задрав парчу.

Что, боги, — если бурое пятно  
в окне символизирует вас, боги, —  
стремились вы нам высказать в итоге?  
Грядущее настало, и оно  
переносимо; падает предмет,

скрипач выходит, музыка не длится,  
и море все морщинистей, и лица.  
А ветра нет.

Когда-нибудь оно, а не — увы — мы,  
захлестнет решетку променада  
и двинется под возгласы «не надо»,  
вздымая гребни выше головы,  
туда, где ты пила свое вино,  
спала в саду, просушивала блузку, —  
круша столы, грядущему моллюску  
готовя дно.

### 25. ЭЛЕГИЯ–3

Дворцов и замков свет, дворцов и замков,  
цветник кирпичных роз, зимой расцветших,  
какой родной пейзаж утрат внезапных,  
какой прекрасный свист из лет прошедших.

Как будто чей-то след, давно знакомый,  
ты видишь на снегу в стране сонливой,  
как будто под тобой не брег искомый,  
а прежняя земля любви крикливой.

Как будто я себя и всех забуду,  
и ты уже ушла, простилась даже,  
как будто ты ушла, совсем отсюда,  
как будто умерла вдали от пляжа.

Ты вдруг вошла навек в электропоезд,  
увидела на миг закат и крыши,  
а я еще стою в воде по пояс  
и дальний гром колес прекрасный слышу.

Тебя здесь больше нет. Не будет боле.  
Забвенья свет в страну тоски и боли  
слетает вновь на золотую тризну,  
прекрасный свет над незнакомой жизнью.

Все так же фонари во мгле белеют,  
все тот же теплоход в заливе стынет,  
кружится новый снег, и козы блеют,  
как будто эта жизнь тебя не минет.

Тебя здесь больше нет, не будет боле,  
пора и мне из этих мест в дорогу.  
Забвенья нет. И нет тоски и боли,  
тебя здесь больше нет – и слава Богу.

Пусть подведут коня – и ногу в стремя,  
все та же предо мной золотая Стрельна,  
как будто вновь залив во мгле белеет,  
и вьется новый снег; и козы блеют.

Как будто бы зимой в деревне царской  
является мне тень любви напрасной,  
и жизнь опять бежит во мгле январской  
замерзшею волной на брег прекрасный.